

13. Сельское хозяйство Сибирского края. В помощь земледельцу. — Вып. 2: Перспективы сельского хозяйства Сибирского края. — Новосибирск, 1926. — 535 с.

14. Скорняков И. Паротравополье / И. Скорняков // Жизнь Сибири (Новоиколаевск). — 1925. — № 1. — С. 24–33.

15. Собрание постановлений правительства СССР. — 1940. — № 10. — Ст. 251.

16. Хрущев Н. С. Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством: доклад на пленуме ЦК КПСС 5 марта 1962 г. / Н. С. Хрущев // Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. — М. : Госполитиздат, 1963. — Т. 6. — 480 с.

Информация об авторе

Ильиных Владимир Андреевич — доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: agro_iwa@mail.ru.

Author

Vladimir A. Ilinykh — Head of the Agrarian History Sector, Institute of History SB RAS, 8 Nikolaev str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: agro_iwa@mail.ru.

УДК 94(571.5)
ББК 63.3(2Р54)

Л. В. КАЛЬМИНА

ОБЛАСТНОЙ И УЕЗДНЫЙ ЦЕНТР В ЗАБАЙКАЛЬЕ: СОРЕВНОВАНИЕ БЮДЖЕТОВ (1870-е — 1910-е ГОДЫ)

В статье раскрываются особенности бюджетной политики областной Читы и уездного Верхнеудинска. Города, негласно соревновавшиеся за первенство на забайкальском экономическом пространстве, жили в долг, затрачивая на социальное развитие значительные суммы не заработанных ими денег.

Ключевые слова: бюджет, доходы, расходы, недвижимое имущество, оценочный сбор, социальные нужды.

L. V. KALMINA

REGIONAL AND UYEZD CENTRES OF TRANSBAIKAL AREA: BUDGET COMPETITION (1870^s — 1910^s)

The article dwells upon the budget policy of regional Chita and uyezd Verkhneudinsk. These rivals in Transbaikal area existed on credit, having spent on their social development large money, they had never earned.

Keywords: budget, income, expenses, real estate, valuation of property, social needs.

Городовое Положение 1870 г., давшее начало новой форме организации городского общественного пространства, предполагало прозрачность выборов городской власти, ежегодную отчетность по всем вопросам городской жизни, законодательно определенные принципы получения доходов и осваивания имеющихся денежных средств. Для характеристики городской бюджетной политики после введения Положения мы выбрали два города: областную Читу и уездный Верхнеудинск. Сравнение вполне сопоставимое, несмотря на разницу статусов, тем более что статус величинной постоянной не является. В XIX — начале XX в. социально-экономические и геополитические роли обоих городов неоднократно менялись, что сразу отражалось на их бюджетах. Чита, которая благодаря своему географическому положению выдвинулась из ряда скромных «местечек» и стала административным центром вновь созданной Забайкальской области, не имея для этого никаких социально-экономических и культурных предпосылок, первоначально являлась лишь местом сосредоточения областной власти [7, с. 50]. А Верхнеудинск уже в конце XVIII в. был неформальным экономическим лидером Забайкалья, одним из трех крупнейших городов Байкальской Сибири, чьими стараниями бюджеты ее городских поселений были более значительными, чем в соседних регионах; торговым центром с «знатнейшей» ярмаркой, чьи обороты превышали 2 млн р. [11, с. 79; 3, с. 112]. Важная торгово-посредническая роль уездного города позволяла ему успешно конкурировать с областным центром в получении денежных доходов. В 1875 г., первый год действия Городового Положения, доходная база Верхнеудинска превышала таковую в Чите на 1 263 р. Десятилетие спустя, в 1886 г., разрыв увеличился до 19 тыс. р., однако в дальнейшем сократился: в 1889 г. доходы Верхнеудинска и Читы составили 48 585 р. 91¼ к. и 42 721 р. 44 к. соответственно [12, с. 335, 340; 9, с. 288; 4, 1891]. В 1890-е гг. доходы уездного Верхнеудинска уже стали уступать областному центру: в частности, проект бюджета Верхнеудинска на 1893 г. предусматривал 48 812 р. 67 к. доходов против 51 273 р. 41 к. доходов Читы, в том числе сборы с недвижимых имуществ и оброчные статьи — соответственно 28 791 р. 16 ½ к. и 29 185 р. 66 к. Но сбор с торговых документов в уездном городе был стабильно выше, чем в административном центре области: в 1875 г. сборы с читинских «промышленников»¹ принесли в городскую копилку всего 2 % доходов. Даже в 1890-е гг. они едва превышали 5 % всех доходных поступлений [12, с. 336; 4, 1893, № 19; 1896, № 21; 1898, № 79]. Чита не пыталась претендовать на торговые «лавры».

Основной статьей дохода в обоих городах были сборы с недвижимых имуществ. В 1875 г. Министерство внутренних дел отмечало, что городские имущества и оброчные статьи, т.е. плата с пастбищных и сенокос-

¹ Имеются в виду все, кто занимался каким-либо «промыслом»: промышленностью, торговлей, ремеслом.

ных земель, приносят до двух третей и более средств в городскую казну [12, с. 336, 340]. Какие статьи конкретно давали самые значительные суммы в городскую копилку — не всегда возможно определить, поскольку в отчетах по исполнению бюджетов сборы с земель и налоги на строения частенько шли одной строкой [1, д. 708, л. 4] — как «доход с недвижимых имуществ» или «доход с городских недвижимых имуществ и оброчных статей». Однако отчеты, где эти статьи дохода разделены, позволяют прийти к выводу, что города кормились, главным образом, сборами с сенокосных и хлебопахотных земель. В Верхнеудинске, к примеру, они составляли от 24,2 % (1879 г.) до 30 % (1886 г.) и более половины (1892 г.) городских доходов [1, д. 211, л. 27–28; д. 506, л. 6, 14; д. 924, л. 7–8]. Экономическая и социальная жизнь уездного Верхнеудинска была в сильнейшей зависимости от травостоя. Урожайность трав в конечном итоге определяла и покупательскую способность горожан, и их торговую активность. «Упадок торговли в ярмарку (Верхнеудинскую. — Л. К.) 1889 г. объясняется неурожаем в 1888 г. хлебов и трав в Забайкальской области и вследствие того безденежьем в народе», — сообщалось в отчете о деятельности Верхнеудинской городской управы в 1888–1889 гг. Ранее в ее докладе от 11 марта 1885 г. также отмечалось, что из-за двухлетних неурожаев трав доходы города ежегодно и значительно уменьшаются. Неурожай самым пагубным образом сказывался на городском бюджете: недоимка с арендаторов сенокосных участков, например, в 1885 г. составила 42,6 % общей суммы недоимок — почти половину [5, с. 139]. Доходы с самой продукции сенокосения при этом были невелики: в 1879–1880 гг. они ежегодно составляли 10,5 тыс. р. Даже примитивное промышленное производство давало больше — 18 тыс. р. [1, д. 243, л. 40–41]. Значительные суммы, получаемые городом от сенокосения, образовывались за счет сложившейся налоговой системы, предусматривавшей сборы с земельной площади, а не объема полученной продукции. В протоколе заседания от 12–15 сентября 1895 г. Верхнеудинская городская управа отмечала, что земли под пашнями и сенокосами составляют «почти одну из главных доходностей города, на которую не поступает обязательных расходов» [1, д. 1088, л. 72]. «Сельские» статьи дохода играли ведущую роль и в наполнении бюджета областного центра. В 1893 г. доходы с оброчных статей (в смете указано «с недвижимых имуществ», хотя из контекста ясно, что речь идет только о земле) планировались в размере 34 422 р. 59 к. (56,6 % всех доходов), а в 1898 г. — 49 561 р. 71 к. (60,5 % всех сборов)¹ [4, 1896, № 21; 1898, № 79].

Прочие налоги были относительно невысоки. Общий сбор с торговли и промыслов в Верхнеудинске на протяжении исследуемого периода

¹ В последнем случае сборы с оброчных статей приведены вместе с доходами от городского имущества, т.е. общественных зданий. Однако последние давали не такой уж крупный доход, чтобы существенно изменить картину.

составлял от 4 до 10 %, уступая сбору с сенокосных площадей в 3-5 раз, хотя торговцы составляли наиболее зажиточный слой горожан. Верхнеудинская ярмарка с ее миллионными оборотами приносила городу незначительные деньги в виде сборов с базарных столов, лавок и мест в торговых рядах и помещений для складирования привезенных товаров. Например, в 1879 г. в полученный городом общий доход 33 840 р. 71 к. ярмарка внесла 773 р., а в 1884 г. в 79 226 р. 96 ½ к. дохода — лишь... 93 р. 37 к. Это ни в малейшей степени не окупало даже затрат на ее проведение (вознаграждение воинского караула, покупка для него тулупов и валенок, устройство новых и ремонт старых столов, на которых выставлялись товары), которые в 1884 г. составили 350 р. [5, с. 140]. Достаточно скромными цифрами определялся и оценочный сбор. В Верхнеудинске на протяжении 1878–1885 гг. он не превышал 2–3 % общей суммы доходов. В Чите в 1896 г. «оценочный сбор» составил 6 тыс. р., или 9,9 % всех поступлений, а в смете на 1898 г. этот сбор (теперь его называли сбором с «недвижимых имуществ» в отличие от налога с земель, который, как и раньше, именовался «оброчными статьями») планировался в размере 7 670 р. (9,4 % всех поступлений) [4, 1896, № 21; 1898, № 79]. Сравнение с Читой в данном контексте не очень корректно, так как мы располагаем данными, относящимися к разным временным отрезкам, однако общая тенденция очевидна: оценочный сбор со строений «не делал погоды» в бюджетах забайкальских городов. В Верхнеудинске в указанный период со зданий брали по ½ к. с оценочного рубля, тогда как в губернском Иркутске еще в 1799 г. сбор с домов был в три раза выше, а в столичных городах Санкт-Петербурге и Москве именно он был основным источником дохода: недвижимость там была дорогой, поэтому сумма сбора выходила весьма значительная [2, с. 17–18].

Городовое Положение 1892 г., введенное в обоих городах, регламентировало принцип оценочного сбора: до 10 % от чистого дохода с имуществ, а при невозможности определения дохода — до 1 % с их стоимости. Стоимость устанавливалась коллективной оценкой недвижимости членами общественного управления (ранее владельцы домов оценивали их стоимость произвольно, «по совести»), а процент взимания устанавливала Городская дума [4, 1892, № 45]. После этого оценочные сборы со строений несколько выросли, хотя и не настолько, чтобы покрыть растущие потребности горожан.

Проведение Транссибирской железной дорожной магистрали внесло значительные коррективы и в экономическое развитие обоих городов, и в формирование денежных потоков. Верхнеудинск, оказавшись в очень выгодном положении — на пересечении железнодорожной магистрали, судоходной Селенги и трактов на Кяхту и Баргузин, в центре густонаселенного и хлебородного района, — стал крупнейшим в Забайкалье экономическим центром и транспортным узлом. Однако Чита развива-

лась куда стремительнее, с каждым годом все более оправдывая статус административного центра области. Население ее с 1897 по 1904 г. выросло с 11 511 до 41 098 чел., т.е. в 3,5 раза, в то время как население Верхнеудинска — лишь на 15 % (с 8 086 до 10 297 чел.) [6, с. 29]. Из небольшого городка, каковым Чита была еще в 1897 г., с бюджетом в 84 589 р. 51 к. к 1913 г. она, с населением в 70 тыс. чел. и бюджетом, превышающем полмиллиона рублей, заняла почетное место среди городов Восточной Сибири. Рост ее доходов не был стабильным: резкий взлет сменялся падением, но в целом тенденция к увеличению доходов просматривается, особенно в 1910-е гг.: от 104 321 р. 16 к. в 1900 г. до 577 736 р. 26 к. в 1908 г. [1, д. 2256, л. 55, 74] — т.е. в 5,5 раз.

Увеличение бюджета произошло, прежде всего, за счет сбора с недвижимых имуществ (жилых и доходных домов), торгово-промышленных предприятий и аренду городских земель. Плата за торгово-промышленные предприятия с 1897 по 1912 г. выросла с 4 962 р. 35 к. до 27 964 р. 26 к. — на 17,7 % (по данным Казенной Палаты, в 1912 г. их обороты достигли 18 734 100 р.), но все равно она росла медленнее, чем сборы за аренду земли, которые к этому времени достигли 92 тыс. р. (рост 62,9 %), и оценочный сбор, достигший 125 тыс. р. (рост 91,1 %). Тем не менее, говорить о явном смещении «силы тяжести» в сторону оценочного сбора при получении городских доходов было бы неверным: он вырос не столько из-за изменения порядка взимания налогов, сколько из-за роста числа домов в результате резкого наплыва населения в Читу. Только жилых помещений к 1913 г. здесь было 3 177. Городское недвижимое имущество оценивалось в 855 965 р. 3 к. и имело доходность 50 352 р. [1, д. 2256, л. 55, 60, 62, 77–78].

Собранные средства расходовались на содержание городского общественного управления, «правительственных учреждений» (тюрем, полицейских управлений, иногда сюда входило и содержание больниц, иногда они значилась как «расходы на народное здравие»), учебных и благотворительных заведений, на мероприятия по охране здоровья (карантинные, санитарные, жалованье медицинскому персоналу), городское благоустройство. Города также несли расходы по содержанию пожарной части, отправлению воинской повинности (содержание казарм, жалованье), строительству и ремонту общественных зданий, ремонту дорог.

Бюджеты обоих городов весь указанный период имели ярко выраженный социальный характер. В 1875 г., в первый год действия Городового Положения, расходы на образование, «общественное здравие и призрение» в Верхнеудинске составляли 47,9 %, а в Чите — 21,7 % — при том, что последняя несла повышенные траты на содержание полиции — 25 % всех расходов [12, с. 340, 335]. С ростом населения Читы затраты на социальные нужды становятся весьма значительными: с 1897 по 1911 г. расходы на образование выросли с 10 281 р. до 98 241

(в 9,5 раза), на «народное здравие» и карантинно-санитарные мероприятия — с 11 839 до 79 200 р. (в 6,7 раза), на благоустройство города — с 4 626 до 61 595 р. (в 13,3 раза) [1, д. 2256, л. 74]. Причем доля социальных расходов в городском бюджете все время росла, что можно видеть в табл. 1 и 2, составленных по отчетам об исполнении городских бюджетов. (Под каждой цифрой в скобках указывается процент затрат на данную статью в общем объеме расходов). Для сравнения мы поместили здесь же затраты на городское общественное управление.

Таблица 1

**Динамика расходов Верхнеудинска на социальные нужды
и общественное управление, р. (%)**

Статьи расхода	Год					
	1879	1884	1886	1889	1892	1908
Содержание больницы	10 688,70 (27,8)	10 658,29 (25,2%)	10 228,64 (18,9)	7 893,59 (13,9)	7 335,74 (16,3)	22 150,68' (11,5)
Содержание учебных и благотворительных заведений	2 989,00 (7,7)	5 853,00 (13,8)	6 635,00 (12,3)	6 255,83 ² (11,0)	6 728,35 (15,0)	26 850,74 (14,0)
Содержание общественных зданий ³	–	7 216,35 (17,1)	7 000,0 (12,9)	7 414,40 (13,1)	7 812,63 (17,4)	–
Расходы по охране здоровья ⁴	–	–	940,00 (1,7)	1 149,50 (2,0)	946,77 (2,1)	774,60 (1,2)
Расходы на благоустройство города	955,00 (2,5)	1 168,00 (2,8)	1 300,0 (2,4)	6 381,74 (11,2)	7 632,32 (17,0)	23 188,53 (12,0)
Всего расходов на социальные нужды	14 632,70 (38,0)	24 895,64 (58,9)	26 103,64 (48,3)	29 095,06 (51,2)	30 455,81 (67,8)	72 964,55 (38,7)
Расходы на городское общественное управление	5 706,45 (14,8)	7 097,96 (16,8)	6 762,04 (12,5)	6 558,42 (11,6)	6 695,13 (14,9)	32 297,00 (16,8)

¹ В статью «содержание больницы» вошли и расходы по содержанию санитарной и ветеринарной службы, аптеки.

² Этой цифрой выражаются расходы только на учебные заведения. Расходы на «благотворительные заведения» (больницу и приют для арестантских детей) значатся строкой выше.

³ Мы сочли нужным включить эту статью расхода в социальные нужды, поскольку в число общественных зданий вошли городская аптека и общественная библиотека.

⁴ Расходы на санитарные и карантинные мероприятия, а также на выплату жалования городскому врачу и другим служащим по медицинской части, если это не вошло в статью «содержание больницы».

Как видим, процент «социальных» расходов — на охрану здоровья, образование, содержание благотворительных заведений — очень высок. Даже если вычесть из этих сумм затраты на городское благоустройство (хотя их тоже в некоторой степени можно отнести к социальным расходам), они колеблются между третьей частью и половиной всех городских расходов. Рост средств, затраченных на городское управление, выглядит достаточно скромным, в отдельные годы наблюдается даже их уменьшение, хотя Чита как областной центр на рубеже XIX–XX вв. стала «обрастать» управленческим аппаратом.

Таблица 2

**Динамика расходов Читы на социальные нужды
и общественное управление, р. (%)**

Статьи расхода	Год				
	1875	1893	1896	1898	1911
Содержание учебных и благотворительных заведений	2 831,00 (20,8)	8 005,00 (16,4)	9 661,00 (14,8)	12 211,00 (14,9)	98 241,00 (17,8)
Расходы по охране здоровья ¹	120,00 ²	4 260,00 (8,7)	5 804,00 (8,9)	9 413,10 (11,5)	79 200,00 (13,8)
Расходы на благоустройство города	–	920,0 (1,9)	3 288,5 (5,0)	4 330 (5,3)	61 595,0 (11,2)
Всего расходов на социальные нужды	2 951,00 (21,7)	13 185,00 (27)	18 753,50 (28,8)	25 954,10 (31,7)	239 036,00 (67,8)
Расходы на городское общественное управление	3 965,00 (29,1)	9 558,30 (19,5)	10 254,78 (15,8)	13 542,00 (16,5)	–

¹ Расходы на санитарные и карантинные мероприятия, а также на выплату жалованья городскому врачу и другим служащим по медицинской части, если это не вошло в статью «содержание больницы».

² Сюда вошли и расходы по призрению.

Возросшие потребности городов требовали энергичных действий для пополнения бюджетов, но суммы, полученные обязательными сборами и коммерческими операциями, в обоих городах часто были значительно ниже ожидаемых. С середины 1880-х гг. расходы Верхнеудинска перестали покрываться полученными доходами. Дефицит бюджета приобрел застойный характер. В смету 1895 г. было заложено 22 112 р. 30 ½ к. превышения расходов над доходами. Однако городские власти, не скупясь, тратились на развитие сети школьных учреждений, строили для них здания, закупали учебные пособия, организовывали школьное питание, выплачивали стипендии, позволявшие детям неимущих получать образование [9, с. 51]. В 1907 г. при дефиците бюджета в 11 302 р. 35 к. в смету было заложено 26 841 р. расходов на образование и 27 695 р. 25 к. на мероприятия по охране здоровья (35,9 % городских затрат) [10, с. 22, 46, 50, 56]. В начале XX в. город пытался ликвидировать постоянный бюджетный дефицит повышением сборов с торговых свидетельств и торговых площадей, обратив, наконец, внимание на ничтожные деньги, которые платили владельцы солидных магазинов. Магазин купца Второва, занимавший помещение в 200 кв. сажень, при годовом обороте не менее 1 млн р. платил городу сбор с торговых документов за магазин 12 р. 25 к. Столь же незначительный сбор в городской доход вносили магазины верхнеудинских купцов Цыгальницкого, Рейхбаума, Сегельмана. Городская дума решила ходатайствовать об отмене существующего процентного сбора с торговых документов и предоставлении городскому общественному управлению права взимать в доход города сбор с площади торговых помещений. Предполагалось с торгующих по

билетам или «производящим промыслы» по свидетельствам и билетам первой гильдии брать по 6 р. с кв. сажени площади, с торгующих по билетам второй гильдии — по 1 р. 50 к. с кв. сажени, с торгующих по промысловым или мелочным свидетельствам — по 50 к. [1, д. 1088, л. 115–117]. Проектом бюджета на 1903 г. планировалось повысить сборы с недвижимых имуществ и заведений трактирного промысла, по крайней мере, на 50 %. В попытках увеличить доходы Городская дума собиралась ходатайствовать о введении сбора с извозного промысла, лошадей и экипажей, принадлежавших частным лицам; с собак, перевозов, нанимаемых квартир или жилых помещений, хотя, по признанию Городской управы, «все эти сборы по случаю незначительного экономического развития населения города мало могут принести доходности городской кассе» [1, д. 1760, л. 2–3]. Недоимка по причине «общего безденежья» росла с каждым годом. Верхнеудинск уже не столько искал новые источники поступлений в городскую казну, сколько способы снижения расходов, несправедливо, по мнению органов общественного управления, ложившихся на город. В частности, предполагалось привлечь деньги городов и округов, чьи жители лечились в верхнеудинской больнице или отбывали наказание в городской тюрьме. Из-за неумения зарабатывать, растущей недоимки, небрежного ведения финансовых дел и использования средств «не на предмет их назначения», из-за чего Городской голова И.Г. Федченко в 1907 г. даже был отстранен от должности и отдан под суд, город все глубже увязал в кредитах. Без малого половина всех городских расходов делалась в долг [1, д. 1088, л. 115; 8, с. 5, 6, 78].

Во втором десятилетии XX в. значительно осложнилось и финансовое положение Читы. Утверждая, что город несет непосильное бремя затрат на удовлетворение культурных потребностей служащих Управления строительства Западной части Амурской железной дороги в ущерб собственным интересам, читинская городская администрация лукавила: Управлению строительства город как раз в значительной степени был обязан своим благополучием. С окончанием постройки и отъездом подрядчиков, закупавших материалы и предметы потребления в читинских торгово-промышленных предприятиях, обороты последних сократились на 20–25 %. При этом растущий город нес большие расходы по расквартированию войск и на социальные нужды населения. Задолженность Читы на 1 января 1913 г. достигла 527 844 р. 20 к., почти сравнявшись с годовым бюджетом [1, д. 2256, л. 55, 56].

Планируемый перевод в Верхнеудинск железнодорожных мастерских грозил Чите экономическим падением, в то время как Верхнеудинск получал шанс поправить свои дела за счет нового крупного производства и наплыва в город массового платежеспособного потребителя. Этот раунд в соревновании бюджетов областного и уездного города закончился победой последнего.

Подводя итоги этого «соревнования», можно выделить несколько общих для обоих городов тенденций. Во-первых, высокая степень социализации бюджетов. Решение то и дело появлявшихся финансовых проблем городов практически не ущемляло интересов их жителей. Во-вторых, желание широко жить, не экономя на социальных затратах, при неумении (и нежелании) считать деньги делало городские бюджеты хронически дефицитными. Справедливости ради следует отметить, что «жизнь взаимности» была нормальным явлением даже для столичных городов, чьи долги превышали собственные годовые бюджеты в два-три раза. В-третьих, финансовое положение обоих городов в большей степени зависело от объективного расклада на забайкальском экономическом пространстве, чем от финансовой политики самих городов. Рост денежного благополучия Читы в начале XX в., как и ее финансового падения во втором десятилетии, стали результатом большой политики на востоке империи. Вначале строительством Транссиба был обеспечен стремительный рост населения и финансовых потоков областного центра, а впоследствии реализация геополитических интересов самодержавия, которые остаются за рамками данной статьи, усилила позиции его давнего соперника.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. 10 (Верхнеудинская городская управа). — Оп. 1.
2. Дамешек Л. М. Бюджетная политика губернского центра Сибири в конце XVIII — начале XIX века / Л. М. Дамешек, М. М. Плотнокова // Гуманитарный вектор. Сер. «История. Политология». — 2015. — № 3 (43). — С. 12–21.
3. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. / С. В. Евдокимова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. — 248 с.
4. Забайкальские областные ведомости.
5. Кальмина Л. В. Бюджет уездного сибирского города как индикатор экономического статуса / Л. В. Кальмина // Власть. — 2012. — № 5. — С. 138–142.
6. Кальмина Л. В. Верхнеудинск и Чита в начале XX века: борьба за лидерство / Л. В. Кальмина // Развитие городских поселений Байкало-Азиатского региона : материалы I регион. науч. конф., посв. 340-летию г. Улан-Удэ: в 2 ч. — Ч. 1. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. — С. 27–35.
7. Мерцалов В. И. Забайкалье в геополитическом пространстве Дальнего Востока (1851–1991 гг.) / В. И. Мерцалов // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: История и современность : материалы междунар. науч. конф., г. Чита — г. Маньчжурия, 11–15 октября 2011 г. / отв. ред. М. В. Константинов. — Чита, 2011. — С. 48–57.
8. Обзор деятельности Верхнеудинского Городского Управления за 1907–1909 гг. — Иркутск : Типо-литография П. И. Макушина и В. М. Посохина, 1910. — 97 с.
9. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX — начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие) / Т. В. Паликова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — 312 с.

10. Смета доходов и расходов города Верхнеудинска на 1907 г. — Верхнеудинск : Типография А.К. Кобылкина, 1907. — 79 с.

11. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. — 256 с.

12. Экономическое состояние городских поселений Сибири. — СПб. : Изд. Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, 1882. — 374 с.

Информация об авторе

Кальмина Лилия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kalminal@gmail.com.

Author

Lilia V. Kalmina — Doctor habil. (History), Associate Professor, Leading Scientific Researcher, the Department of History, Ethnology and Sociology, the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanova str., 670047, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: kalminal@gmail.com.

УДК 316.6
ББК 88.5

А.Д. КАРНЫШЕВ

ПРОБЛЕМЫ И РЕСУРСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В РЕГИОНАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*

В статье показываются общие причины противоречивости феномена «патриотизм», но все же основным стержнем выступает мысль о внешнем и внутреннем единстве патриотизма и межнационального согласия в поликультурном обществе. Эмпирический материал работы представлен материалами исследований, проведенных в Сибири. Особенностью статьи является междисциплинарный характер анализа и обращенность к психологии экономического патриотизма. Показано, что в центре внимания должна быть деятельность по достижению взаимосвязей этнической и гражданской идентичностей. Изменения в менталитете народов и в условиях жизни общества требуют поиска социально-экономических и психологических ресурсов решения проблемы, часть из которых анализируется в статье.

Ключевые слова: патриотизм, межнациональное согласие, человеческий капитал, экономическая психология, гражданское самосознание.

* Статья выполнена в рамках гранта РГНФ, проект № 15-06-10673 «Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи азиатской России».